

УДК 811.113.4

Э. Б. Крылова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

СОЮЗНЫЕ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Для цитирования: Крылова Э.Б. Союзные функции частиц в датском языке // Скандинавская филология. 2018. Т. 16. Вып. 1. С. 27–43. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2018.103>

В статье дается анализ союзных функций некоторых модальных частиц в датском языке, подтверждающий однонаправленный процесс функционально-семантический эволюции *наречие — частица — союз*. Частицы *nok* ‘скорее всего’, *vel* ‘наверно’, *vist* ‘вроде, похоже’ имеют наречные пары *nok* ‘достаточно’, *vel* ‘хорошо’ и *vist* ‘точно’. Находясь в инициальной ударной позиции первой части сложного предложения, данные частицы вступают в контактно-дистантную связь с противительным союзом *men* ‘но’ и формируют с ним уступительно-противительные отношения. При этом каждая из частиц привносит в них особые смысл и модальность. Частица *ni* соотносится с темпоральным наречием *ni*, имеющим релятивное значение «теперь, а не когда-либо». Прагмасемантический инвариант частицы можно определить как оценочное несоответствие реальной ситуации норме, обычному положению дел или тому, что утверждает или предполагает кто-то другой. Безударная инициальная позиция частицы *ni* в сложном предложении с противительным союзом *men* ‘но’ во второй части не меняет порядка слов в его первой части. Однако при этом частица *ni* приобретает союзные функции, а формируемые сочетанием *Ni X, men Y* — уступительно-противительные отношения и имеют значение ‘вообще-то X, но Y’. Оказавшись же в инициальной позиции придаточного в структуре сложноподчиненного предложения, частица *ni* становится союзом, семантику которого можно передать русскими условными союзами «раз», «коль скоро».

Ключевые слова: модальная частица, союзная функция, семантика, датский язык.

Модальные частицы являются характерной особенностью как славянских, так и целого ряда германских языков, однако особое место среди них занимают русский, немецкий и датский языки.

Исследования частиц, проводимые на материале этих языков, свидетельствуют об их функциональной многомерности и семантической неисчерпаемости: частицы способны кодировать все многообразие прагматических значений, связывать несколько высказываний, передавать отношение говорящего к сообщаемому, соотносить содержание высказывания с ситуацией непосредственного действия и нормой, с возможным отношением к нему слушающего или третьего лица [Николаева, 2005; Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993; Крылова, 2012; Durst-Andersen, 1995; Jensen, 2001; Weydt, 1983].

Большинством исследователей отмечается характерный для частиц однонаправленный процесс функционально-семантической эволюции: наречие — частица — союз. Он продолжается и на современном этапе, причину которого Т. М. Николаева видит в том, что язык «нуждается в некотором функциональном множестве, обеспечивающем ему коммуникативную гибкость» [Николаева, 2005, с. 187].

О «скрытой памяти языка», или своего рода эволюционной предопределенности в прошлом семантической деривации слова в будущем, свидетельствуют исследования большого числа отечественных и зарубежных лингвистов [Грамматика русского языка, 1960; Николаева, 2002; 2005; Яковлева, 1988; Jacobs, 1991; Weydt, 1983; Hansen, Heltoft, 2011; Jensen, 2002]. На формирование в процессе эволюции того или иного значения и синтаксического статуса лексемы влияет целый ряд факторов: исходная семантика лексемы, синтаксические связи, лексико-синтаксические характеристики окружения, позиция в структуре предложения, одновременное развитие схожих значений у других лексем.

Отмечаемый исследователями различных языков переход знаменательных слов в служебные характерен прежде всего для частиц глагольного и наречного происхождения, о чем свидетельствуют и исследования, проведенные на материале датского языка. Чаще всего этот процесс затрагивает наречия меры, степени, оценки и образа действия [Jensen, 2002]. Это подтверждает сопоставительный анализ датских наречий *nok* 'достаточно', *vel* 'хорошо', *godt* 'хорошо', *da* 'тогда', *nu* 'теперь' и соответствующих модальных частиц — *nok*, *vel*, *godt*, *da*, *nu*, а также отглагольных частиц *ton* и *vist*, проведенный в работе Э. Б. Крыловой «Система и функции

модальных частиц в датском языке» [Крылова, 2012]. Результатом исследования стало функционально-семантическое разграничение наречий с их лексической семантикой и обстоятельственной функцией и частиц, имеющих прагматические значения и коммуникативные функции:

Det er svært nok at forstå. — Det er nok svært at forstå.

‘Это довольно трудно понять. — Это, скорее всего, трудно понять.’

Nu er det virkelig svært at forstå. — I dag er det nu svært at forstå.

‘Теперь это действительно трудно понять. — Сегодня-то это трудно понять.’

Det har jeg ikke vist. — Det har jeg vist ikke.

‘Этого я не показала. — Этого у меня вроде нет.’

Целью данной статьи являются обнаружение и анализ союзных функций модальных частиц в датском языке. Причина близости частиц и союзов — в их семантической емкости и прагматической полифункциональности. Способность частиц связывать высказывания свидетельствует о наличии у них союзной функции, которая постепенно может стать инвариантной и преобразовать частицу в частицу-союз. Промежуточным этапом здесь являются «союзные частицы», для которых, как и для союзов, характерна функция соединения и инициальная позиция в предложении, однако при сохранении таких важных характеристик простого предложения, как, например, порядок слов.

ЧАСТИЦЫ NOK, VEL И VIST

Результатом анализа функционирования модальных частиц *bare, blot, da, dog, godt, jo, kun, mon, nok, nu, vel* и *vist* в различных структурах, контекстах и коммуникативных типах предложений стало выявление у каждой из них как инвариантных, основных, так и дополнительных значений и функций. Это позволило нам обнаружить у частиц *nok, vel* и *vist* союзные функции наряду с их основными функциями выражения различных значений эпистемической модальности.

Все три частицы относятся к средствам выражения говорящим значений недоверности высказывания, функционально не выходящих за рамки его субъективного мира [Durst-Andersen, 2011; Крылова, 2012].

Nok вносит в высказывание значение гипотетического умозаключения говорящего о его достоверности. При переводе на русский язык выражаемое частицей значение можно передать как «скорее всего»:

Klaus er sikkert ikke så farlig, som man gør ham. Det er nok bare, fordi han er ungarl. Det er noget folk ikke kan begribe, og så begynder man straks at hviske og tiske: Hvorfor tror du, at han er ungarl?

‘Клаус наверняка не так уж и опасен, как о нем говорят. Это, **скорее всего**, просто потому, что он холостяк. Люди не могут этого понять и начинают шушукаться: «Ты думаешь, почему он холостой?»’

Vel выражает значение гипотетической оценки сложившейся ситуации говорящего слушающему с расчетом на то, что тот ее примет [Davidsen-Nielsen, 1996]. В связи с этим частица часто используется в косвенных речевых актах вежливости и гипотезы в функции вопроса. При переводе на русский язык значение, выражаемое частицей, можно передать как «надеюсь/наверно»:

Hvorfor taler du om ham i fortid? Han er vel ikke tabt for omverdenen, fordi han er flyttet til København. <...> Vi ses vel snart? — Ja, hvorfor ikke?

‘Почему ты говоришь о нем в прошедшем времени? Наверно (надеюсь), он не перестал существовать для окружающих из-за того, что переехал в Копенгаген. <...> Надеюсь, скоро увидимся? — Да, почему бы не увидеться?’

Vist выражает значение неуверенности говорящего в достоверности высказывания и является необходимой в контексте неуверенного припоминания, пересказывательности, чувственного восприятия. При переводе на русский язык выражаемое частицей значение можно передать как «кажется/вроде, похоже»:

De havde tænkt, at det kunne blive ensomt at bo ude på landet, når de nu ingen børn fik. Hun tog sig i det, det var vist ikke rigtigt. De havde vist endnu troet, at de kunne få børn. Nu huskede hun det.

‘Они тогда полагали, что им будет одиноко жить в деревне, раз они так и не завели детей. Она задумалась, нет, вроде все было не так. Они вроде еще верили в то, что у них будут дети. Теперь она все вспомнила.’

СОЮЗНЫЕ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ *NOK*, *VEL* И *VIST*

Собранный нами, а также широко представленный в электронном корпусе датского языка материал демонстрирует большое число примеров употребления модальных частиц *nok*, *vel* и *vist* в ударной инициальной позиции первой части сложного предложения, вторая часть которого или ближайший к нему контекст вводятся противительным союзом *men* 'но'. Функция первой части такого предложения — предупредить возможный довод собеседника или отвести его сомнения в том, что такой аргумент учитывается говорящим.

Частица *nok*, имеющая в предложении прототипическую позицию безударной, не обладает функцией целенаправленного воздействия на субъективный мир слушающего, так как вносит в высказывание значение гипотетического умозаключения. Однако *nok*, оказавшись в позиции акцентного выделения, приобретает эту функцию и тем самым сигнализирует адресату, что после такой своего рода уступки говорящего в первой части предложения, во второй его части, вводимой противительным союзом *men*, будут приведены определенные контрдоводы.

Det var de ti værste dage i mit liv. Nok har jeg set døden i øjnene før under mine rejser. Men her på hospitalet lå folk omkring mig og døde. Det var frygteligt.

‘Это были десять самых худших дней в моей жизни. Конечно, я и раньше смотрел в глаза смерти во время моих поездок. Но здесь, в больнице, вокруг меня лежали люди и умирали. Это было ужасно.’

Nok har jeg gennem årene rejst meget, men altid i forbindelse med mit arbejde, så turen til Gardasøen blev også min første rejse som turist i udlandet.

‘Конечно, я в прошедшие годы много ездил, но это всегда были командировки, так что поездка на озеро Гарда стала моей первой туристической поездкой за границу.’

То же самое можно сказать и об употреблении ударных вариантов частиц *vel* и *vist* в инициальной позиции первой части сложного предложения, имеющего уступительно-противительное значение, поскольку его вторая часть вводится противительным союзом *men*.

Vel kan han se from og fortabt ud, men man må ikke glemme, at han selv som valgkæmper altid har været hensynsløs og udspekuleret.

‘Конечно, он может выглядеть кротким и потерянным, но не стоит забывать, что сам он во время предвыборной борьбы вел себя бесцеремонно и нагло’.

Forst vil jeg meget gerne ud at se verden. Vel har jeg været de fleste steder som fodboldspiller, men hvad har jeg set andet, end lufthavne, hoteller, træningsbaner og stadions?

‘Сначала я хочу поехать и посмотреть мир. Конечно, я был во многих местах как футболист, но что я видел, кроме аэропортов, гостиниц, тренировочных площадок и стадионов?’

Vist var avisen radikal, og de radikale synspunkter kom frem på forsiden, men... Herman Bang har da skrevet i avisen.

‘Газета была, конечно, радикальная, и эти радикальные взгляды были представлены на ее первых полосах, но... в этой газете печатался и Герман Банг’.

Как показывают примеры, частицы *nok*, *vel* и *vist* могут употребляться в сходных контекстах, а в сочетании с противительным союзом *men* вносить в высказывание уступительно-противительные значения. Проблема разграничения уступительных и противительных значений и средств их выражения в различных языках широко рассматривается в работах отечественных и зарубежных исследователей, большинство из которых отмечает как близость уступительности и противительности, так и трудность отграничения их значений [Апресян, 2015; Урысон, 2011]. В. Ю. Апресян в своих работах выявляет семантический инвариант уступительности, а также определяет ее место как семантического компонента в кругу других системообразующих смыслов [Апресян, 2015, с. 14–15]. Поиск семантического инварианта уступительности, характерного для уступительных единиц датского языка, представляет собой отдельную сложную задачу и требует самостоятельного исследования, в связи с этим сопоставление всех вводимых частицами *nok*, *vel* и *vist* придаточных с целью выявления их различий зависит от целого ряда факторов, среди которых также семантика противительного союза *men*, что выходит за рамки данной работы. О возможности выявления таких различий свидетельствует, однако, сам языковой материал. Так, в следующих примерах в, казалось бы, сходных контекстах семантика уступительности формируется при помощи частиц *vist* и *vel*:

Vel er det ærgerligt, at målingen i går i "Jyllands-Posten" kunne udvise et fald for ja-siden til 46 procent mod for en måned siden et flertal på 53 procent... Men resultatet kan ikke karakteriseres som en større overraskelse.

‘Конечно, печально, что данные, опубликованные вчера в газете «Юлландс-Постен», свидетельствуют о падении до 46 процентов числа поддерживающих данное решение против 53-процентного большинства всего месяц назад... Но такой результат трудно назвать большой неожиданностью.’

Vist er det da ærgerligt, at ikke alle andre 14 lande lægger sig ned med alle fire poter i vejret og tilslutter sig den danske model, men prøv engang at tænke på, at vel må vi give os, men det må Tyskland, England, Frankrig også, og det er jo netop de store lande, som altid kunne bestemme selv. Det kan de ikke mere, og det kan EU sørge for.

‘Конечно, печально, что не все остальные 14 стран сдались и присоединились к датской модели, но только представьте себе такую ситуацию, что ладно, пусть мы уступим, но тогда это же должны будут сделать Германия, Англия и Франция, а ведь именно крупные страны всегда сами принимали решение. Больше они этого делать не смогут, и ЕС об этом позаботится.’

Таким образом, контактно-дистантные соединения ударных вариантов модальных частиц *nok, vel* и *vist* с противительным союзом *men* ‘но’ организуют специфические формы полемиического соотношения аргумента и контраргумента, что позволяет считать выражаемые данными сочетаниями значения уступительно-противительными. Частицы при этом приобретают дополнительную функцию уступительного союза и поэтому могут быть отнесены к «союзным частицам». Однако они не являются собственно союзами, о чем свидетельствует и порядок слов во вводимых ими предложениях, и возможность их изолированного употребления.

МОДАЛЬНАЯ ЧАСТИЦА *nu*

Особенно интересен сопоставительный анализ соотносимой с темпоральным наречием *nu* ‘теперь’ модальной частицы *nu*, функционально-семантическое описание которой позволяет определить ее прагмасемантический инвариант и коммуникативные функции, а также конкретизировать условия ее реализации.

Анализ различных контекстов использования лексемы *nu* привел к разграничению релятивного наречия *nu* ‘теперь’ и модаль-

ной частицы *nu*, так как для *nu* в безударной позиции характерны все признаки модальной частицы [Крылова, 2008]. Невозможность использования модальной частицы *nu* в инициальной позиции простого предложения объясняется обязательной ударностью последней, что нехарактерно для этой частицы. В подобной позиции возможно только употребление релятивного наречия *nu* в функции временной детерминанты, формирующей контрастный коммуникативный смысл *теперь, а не когда-либо*:

'Nu tager jeg hjem.

‘Теперь я пойду домой.’

'Nu vil vi gerne spare op til en dag at få et hus.

‘Теперь мы хотим собрать деньги, чтобы потом купить дом.’

Возможность сочетания с лексемой *nu* темпоральных уточнителей, например *først nu* ‘только теперь’, *lige nu* ‘прямо сейчас’, *netop nu* ‘именно теперь’, *især nu* ‘особенно теперь’, позволяет также отграничить наречие *nu* в функции обстоятельства времени от частицы *nu*, которая не может получать таких усилителей, ср.:

Han var igen i korridoren. For enden af gangen var lyset, som han skulle nå. Det var lige netop nu, han skulle nå det, åbne døren og se.

‘Он снова оказался в коридоре, в конце которого был виден просвет, и до него нужно было успеть добраться. Вот именно сейчас добраться, открыть дверь и посмотреть.’

Gæsterne fra Jylland skulle samles op i Billund Lufthavn, en udflugt, der lagde et par ekstra timer til vor ordinære flytid. Nå, det var nu noget jeg var klar over inden bestilling af min rejse og jeg havde således haft mulighed for at vælge et andet rejsemål eller et andet Rejsebureau, men nej, Spies skulle det være.

‘Туристы из Ютландии должны были собраться в аэропорту Биллунда. Это прибавляло еще пару часов к обычному времени перелета. Ну, это мне было известно еще до бронирования тура, и я могла выбрать другой маршрут или другую туристическую фирму. Но нет, это должна была быть именно Спайс.’

Анализ приведенных примеров с лексемой *nu*, в первом из которых употребление темпоральных уточнителей возможно, а во втором — нет, позволяет сделать вывод о разном статусе данных лексем: в первом *nu* — обстоятельство времени, выраженное наречием, во втором *nu* — частица. О статусе *nu* как частицы во втором примере свидетельствует и темпоральная локализация

действия в прошлом, выраженная обстоятельством *inden bestilling* ‘до бронирования тура’. Прагмасемантический инвариант частицы *nu* здесь можно определить как оценочное несоответствие реальной ситуации утверждаемому, желаемому кем-то третьим или норме. Так, в приведенном выше примере о таком неудобстве субъекту было известно заранее, но она все равно заказала именно этот тур. Частица *nu* оформляет содержание вводимого ею предложения как достоверное, имеющее место в действительности. Основная функция частицы заключается, как правило, в подтверждении достоверности содержания пропозиции *voopreki inum ojidaniam i mneniäm*, выраженным в ближайшем контексте:

Tom Kristensen blev beskyldt for at være udbændt som digter efter "Hærværk" i 1930. Han skrev nu værdifulde digte siden.

‘Тома Кристенсена обвиняли в том, что он исчерпал себя как поэт после выхода романа «Разрушение», написанного в 1930 году. Он же и после этого писал прекрасные стихи’.

Такой прагмасемантический инвариант частицы *nu* характерен для всех структур предложений и контекстов ее употребления. В следующих примерах частица сигнализирует об оценочном несоответствии реальной ситуации иным ожиданиям, мнениям, норме:

Var det nu det, vi havde villet?

‘То ли это, чего мы хотели?’ (= разве то?)

Hold nu op med at græde, jeg har jo sagt "undskyld".

‘Рыдать-то прекращай, я же извинился’.

СОЮЗНАЯ ФУНКЦИЯ МОДАЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ NU

Анализ собранного языкового материала показал, что частица *nu* может занимать инициальную позицию в первой части уступительно-противительного предложения и употребляться в союзной функции, как и рассмотренные выше частицы *nok*, *vel* и *vist*. Однако *nu* здесь отличается от них своей безударной позицией, так как для всех контекстов ее употребления характерно значение ситуативно обусловленной необходимости воздействия на слушающего, т. е. частица *nu* изначально функционально направлена на адресата:

*Nu har jeg aldrig kunnet fordrage at lægge hænder til en høne. Det var fra barn-
domsdage, hvor man skulle samle æg... Men vi måtte jo redde kræene.*

‘Вообще-то я никогда не любил трогать кур. Это еще с детства, когда
надо было собирать яйца... Но нам же нужно было спасти птицу’.

Nu здесь служит для выражения значения оценочного несоот-
ветствия общей и частной ситуации. Частица при этом не являет-
ся союзом, а только выполняет союзную функцию, что подтверж-
дает и порядок слов простого предложения:

*Det er jo vigtigt at gøre sig klart, hvad denne sag egentlig drejer sig om. Nu har
jeg gennemgået selve emnet, men man kan selvfølgelig vurdere den fra forskel-
lige vinkler.*

‘Важно уяснить, о чем, собственно, здесь идет речь. Вообще-то я уже
осветил саму суть дела, но его, разумеется, можно рассмотреть под
разным углом зрения’.

Таким образом, контактно-дистантное соединение безударного
варианта модальной частицы *nu* с противительным союзом *men*
‘но’ организует специфическую форму оценочного несоответ-
ствия содержания вводимого частицей предложения как нормы
или обычного положения дел той частной ситуации, которая опи-
сывается в предложении с противительным союзом *men*. Это под-
тверждает и употребление в характерных для частицы контекстах
наречий частоты *altid* ‘всегда’, *aldrig* ‘никогда’:

*Nu har en af mine fejl altid været at jeg udtaler mig skrâsikkert om hvad som
helst, og det gør jeg også gerne nu <...> men ...*

‘Вообще-то моей ошибкой всегда было то, что я с абсолютной
уверенностью высказывался о чем угодно, я и сейчас это охотно делаю
<...> но...’

*Nu har jeg aldrig ønsket mig sådan en udsigt, og havde naboen været så venlig at
spørge mig, inden han gravede og støbte hullet, havde jeg sagt nej tak. Men det
var måske derfor, jeg ikke blev spurgt.*

‘Вообще-то я никогда не мечтала о таком виде из окна, и если бы сосед
был столь любезен и спросил у меня разрешения до того, как начал
копать и бетонировать яму (для флагштока), я бы не разрешила. Но,
может быть, именно поэтому меня и не спросили’.

В русском языке аналогичную функциональную семантику
имеет дискурсивное слово «вообще-то», которое «используется

в ситуации сопоставления модусов общей и частной пропозиции» [Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993, с. 197].

ЧАСТИЦА-СОЮЗ *NU*

В разговорной речи датчан все чаще встречаются случаи использования *ni* в инициальной позиции придаточного предложения, что уже зафиксировано как в многочисленных примерах из художественной литературы, так и в Национальном корпусе датского языка [KorpusDK].

Lad os benytte lejligheden til at få lidt sol, nu vi alligevel er her.

‘Давайте воспользуемся возможностью немного позагорать, раз уж мы все равно здесь.’

Det var som om vi slet ikke kunne slippe hinanden, nu vi endelig havde mødtes igen efter så mange år.

‘Мы словно не могли оторваться друг от друга, коль уж наконец встретились снова после стольких лет.’

В этой связи представляется интересным анализ следующего отрывка, где лексема *ni* употребляется в двух одинаковых контекстах, но с разным порядком слов:

På vej gennem Nordtyskland bliver jeg som schauffør forvirret over vores kort og rammer ved siden af en afkørsel til en motorvej, der vil føre os mod Rostock. I Rostock kan vi tage en færge. Det er den korteste vej, så den vil jeg foretrække — men nu vi er på vej mod Hamburg. Det gør ikke så meget. Vi kan <...> derfra tage færgen til Rødbyhavn. Det vil jeg rigtig gerne. Rødbyhavn er min barndomsby. <...> Nu er vi på vej mod Danmark.

‘По дороге через Северную Германию я сбиваюсь с пути и проезжаю мимо съезда на шоссе, которое приведет нас в Росток. В Ростоке мы сядем на паром. Это самый короткий путь, и я выбрал его, но, коль уж мы оказались на дороге на Гамбург... Ничего страшного. Мы можем <...> оттуда доплыть на пароме в Редбюхаун. Туда мне очень хочется. Редбюхаун — город моего детства. <...> Теперь мы едем в Данию.’

Высказывания с *ni* отличаются здесь не только синтаксически, но и просодически: в первом случае отсутствием, а во втором наличием ударения на лексеме *ni*:

- (1) ...*nu vi er på vej mod Hamburg*. ‘...раз уж мы едем в сторону Гамбурга...’

(2) *'Nu er vi på vej mod Danmark.* 'Теперь мы едем в Данию.'

Таким образом, в примере (2) *ni* является темпоральным наречием в функции обстоятельства времени «теперь». В безударной инициальной позиции в структуре придаточного предложения (1) *ni* получает союзную функцию. Однако значение данной лексемы здесь можно определить как оценочное несоответствие реальной ситуации норме, что является инвариантным значением частицы *ni*. Анализ контекста (1) свидетельствует о том, что говорящий, по ошибке оказавшийся на другой дороге, использует эту ситуацию как возможность для посещения родного города и обосновывает тем самым эту возможность. Так частица *ni* становится условным союзом, но сохраняет при этом свое инвариантное прагматическое значение. Во вводимом *ni* придаточном предложении речь всегда идет о конкретной ситуации, являющейся реальным условием и обоснованием логичности действия, о котором говорится в главном предложении. Частица *ni* в функции союза повышает смысловую значимость всего высказывания, связывает его содержание с реальной ситуацией и отношением к норме, повышает эмоциональную насыщенность высказывания. Чаще всего в главном предложении содержится решение говорящего или его предложение слушающему использовать сложившуюся ситуацию определенным образом. Для контекста условного придаточного предложения, вводимого частицей-союзом *ni*, характерно использование таких коннекторов противопоставления, как *alligevel* 'все-таки', *imidlertid* 'однако', *endelig* 'наконец', что типично для всех контекстов с данной частицей:

Men først skal vi en tur til Kina, nu vi alligevel er ude at flyve.
'Но сначала отправимся в Китай, раз уж мы все равно летим.'

Для условных придаточных с *ni* характерна постпозиция. Возможность же таких придаточных выступать в изолированном употреблении свидетельствует о том, что в роли союза *ni* по-прежнему сохраняет свойства частицы:

Når din kone ikke har tid, så må jeg jo være lidt god ved dig. Nu du er kommet til penge.
'Если у твоей жены нет времени, то ведь я могу быть поласковее с тобой. Раз уж у тебя завелись деньги.'

Таким образом, частица *ни*, оказавшись в синтаксической позиции союза придаточного предложения с характерным для него порядком слов, приобретает функцию и семантику союза придаточного реального условия, сохраняя при этом инвариантное значение и некоторые свойства частицы. Это позволяет нам говорить в данном случае о частице-союзе *ни*.

В русском языке такое придаточное условное связывается с главным посредством союза «раз» (уст. «коль уж», «коль скоро»). В таком придаточном речь всегда идет о реальной ситуации, которую, по мнению говорящего, «адресат не будет отрицать» [Иорданская, Мельчук, 2007, с. 495]. Положение дел, описываемое в придаточном предложении, вводимом союзом «раз», обуславливает и вместе с тем объясняет или обосновывает определенный результат, являющийся следствием, вытекающим из данного условия [Грамматика русского языка, 1960, с. 326–327; Апресян, 2015, с. 14].

Итак, объяснить эволюционный процесс «наречие *ни* ‘теперь’ — частица *ни* — союзная частица *ни* ‘вообще-то’ — союз *ни* ‘раз’» можно общей тенденцией к тому, что чем чаще та или иная лексема оказывается в определенном синтаксическом, семантическом, структурно-типологическом и прагматическом окружении, тем чаще она ассоциируется с чертами, характерными для данного окружения, которые постепенно и становятся ее отличительными.

Таким образом, модальные частицы современного датского языка передают всю динамику коммуникации, ее явный и скрытый смыслы. На их примере мы можем наблюдать протекаемые в языке сложные и многоаспектные динамические процессы, которые в применении к частицам заключаются в формировании определенной системы внутри каждой из них, в организации целостной системы частиц, построенной по единым параметрам, а также в возможности их участия в иных системах, объединяющих средства разных уровней по тому или иному признаку.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян В. Ю. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М.: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.
- Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 205 с.

- Грамматика русского языка: в 2 т. / под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. II, ч. 1. 702 с.; ч. 2. 440 с.
- Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянской культуры, 2007. 665 с.
- Крылова Э. Б. Модальная частица *ni* в датском языке: функционально-семантическая эволюция от наречия к частице // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 2008. № 3. С. 15–31.
- Крылова Э. Б. Система и функции модальных частиц в датском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 427 с.
- Николаева Т. М. «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 25–41.
- Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). 2-е изд. М.: УРСС, 2005. 169 с.
- Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. Лингвистические данные о деятельности сознания. М.: Языки славянской культуры, 2011. 336 с.
- Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 43–73.
- Davidson-Nielsen N.* Discourse particles in Danish // Content, expression and structure. Studies in danish funktional grammar / red. E. Engberg-Pedersen et al. Amsterdam; Philadelphia: Dissel, Holger & Michael Tomasello, 1996. S. 283–314.
- Durst-Andersen P.* Imperative frames and modality // Linguistics and Philosophy. 1995. № 18. P. 611–653.
- Durst-Andersen P.* Linguistic Supertypes. A Cognitive-Semiotic Theory of Human Communication. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2011. 314 p.
- Hansen E., Heltoft L.* Grammatik over det danske sprog. Odense: Syddansk Universitetsforlag, 2011. Vol. II. 1167 s.
- Jacobs J.* On the semantics of modal particles // Discourse particles: descriptive and theoretical investigations on the logical, syntactic and pragmatic properties of discourse particles in German / ed. W. Abraham. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins B. V., 1991. P. 141–162.
- Jensen E. S.* Om subjektivitet som motivation for sproglig forandring // Sproglige Åbninger E som Erik, H som 70 Festskrift til Erik Hansen 18. September 2001. København: Hans Reitzels Forlag A/S, 2001. S. 194–204.
- Jensen E. S.* Hvordan bliver et sætningsadverbial til et sætningsadverbial? // Studier i Nordisk 2000–2001. København: Selskab for Nordisk Filologi. Foredrag og årsberetning, 2002. S. 31–50.
- KorpusDK. URL: <http://ordnet.dk/korpusdk/> (дата обращения: 28.03.2017).
- Weydt H.* Partikeln und Interaktion. Tübingen: Niemeyer, 1983. 317 s.

Elvira Krylova

Lomonosov Moscow State University

CONJUNCTIONAL FUNCTIONS OF DANISH PARTICLES

For citation: Elvira Krylova. Conjunctional functions of Danish particles. *Scandinavian Philology*, 2018, vol.16, issue 1, pp.27–43. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2018.103>

The article presents an analysis of conjunctional functions of Danish modal particles, which confirms the unidirectional process of the functional-semantic evolution adverb — particle — conjunction. The particles nok ‘most likely’, vel ‘probably’, vist ‘seemingly’ have adverbial pairs nok ‘enough’, vel ‘well’, vist ‘exactly’. When in an initial stressed position of the first part of a compound sentence, these articles form a contact-distal connection with the adversative conjunction men ‘but’ and come into concessive-adversative relations with it, each of the articles contributing a special meaning and modality. The particle nu corresponds to the temporal adverb nu, which has a relative meaning ‘now, not some other time’. The pragmasemantic invariant of the particle can be defined as evaluated mismatch of the real situation and the norm, the usual state of affairs or what someone else argues or suggests. An unstressed initial position of the particle nu in a compound sentence with the adversative conjunction men ‘but’ in the second part does not change the word order in its first part. However the article acquires conjunctional functions in this case, and the concessive-adversative relations formed as Nu X, men Y have the meaning ‘Actually X, but Y’. When it happens to be in the initial position of a subordinate clause the particle nu becomes conjunction, whose semantics can be conveyed by Russian concessive conjunctions ‘raz, kol’ skoro’ (English concessive conjunctions *as, as long as*).

Keywords: modal particle, conjunctional function, semantics, Danish.

REFERENCES

- Apresjan V. Ju. *Ustupitel'nost': mehanizmy obrazovaniia i vzaimodeistviia slozhnykh znachenii v iazyke* [*Concessivity: mechanisms of the formation and interaction of compound meanings in language*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2015. 288 p. (In Russian)
- Baranov A. N., Plungjan V. A., Rahilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo iazyka* [*A guide to Russian discourse words*]. Moscow, Pomovsky i partnery, 1993. 205 p. (In Russian)
- Davidson-Nielsen N. Discourse particles in Danish. *Content, expression and structure. Studies in danish funktional grammar*. Red. E. Engberg-Pedersen et al. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996, pp. 283–314.
- Durst-Andersen P. Imperative frames and modality. *Linguistics and Philosophy*, 1995, no. 18, pp. 611–653.
- Durst-Andersen P. *Linguistic Supertypes. A Cognitive-Semiotic Theory of Human Communication*. Berlin, New York, De Gruyter Mouton, 2011. 314 p.

- Grammatika russkogo iazyka* [A grammar of Russian]. In 2 vol. Eds. V. V. Vinogradov, E. S. Istrina. Moscow, Publ. AN SSSR, 1960, vol. II, part 1. 702 p.; part 2. 440 p. (In Russian)
- Hansen E., Heltoft L. *Grammatik over det danske sprog*. Odense, Syddansk Universitetsforlag, 2011, vol. II. 1167 p.
- Iordanskaja L. N., Mel'chuk I. A. *Smysl i sochetaemost' v slovare* [Meaning and compatibility in the dictionary]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2007. 665 p. (In Russian)
- Jacobs J. On the semantics of modal particles. *Discourse particles: descriptive and theoretical investigations on the logical, syntactic and pragmatic properties of discourse particles in German*. Ed. by W. Abraham. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins B. V. 1991, pp. 141–162.
- Jakovleva E. S. O poniatii «kul'turnaia pamiat'» v primenenii k semantike slova [On the notion of 'cultural memory' as applied to word semantics]. *Voprosy iazykoznanii*, 1988, no. 3, pp. 43–73. (In Russian)
- Jensen E. S. Hvordan bliver et sætningsadverbial til et sætningsadverbial? *Studier i Nordisk 2000–2001*. København, Selskab for Nordisk Filologi. Foredrag og årsberetning, 2002, pp. 31–50.
- Jensen E. S. Om subjektivitet som motivation for sproglig forandring. *Sproglige Åbninger E som Erik, H som 70 Festskrift til Erik Hansen 18. September 2001*. København, Hans Reitzels Forlag A/S, 2001, pp. 194–204.
- KorpusDK. Available at: <http://ordnet.dk/korpusdk/> (accessed: 28.03.2017).
- Krylova E. B. Modal'naiia chastitsa nu v datskom iazyke: funktsional'no-semanticheskaia evoliutsiia ot narechiia k chastitse [The modal particle nu in Danish: functional-semantic evolution from an avderb to a particle]. *Vestnik Moscow university. Serii 9: Filologiya*, 2008, no. 3, pp. 15–31. (In Russian)
- Krylova E. B. *Sistema i funktsii modal'nykh chastits v datskom iazyke* [The system and functions of modal particles in Danish]. Diss. PhD. Moscow, 2012. 427 p. (In Russian)
- Nikolaeva T. M. «Skrytaia pamiat'» iazyka: popytka postanovki probl'my [“The hidden memory” of language: attempt of statement of a problem]. *Voprosy iazykoznanii*, 2002, no. 4, pp. 25–41. (In Russian)
- Nikolaeva T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavianskikh iazykov)* [Functions of particles in linguistics (based on Slavic languages)]. Moscow, URSS Publ., 2005. 169 p. (In Russian)
- Uryson E. V. *Opyt opisaniia semantiki soiuzov. Lingvisticheskie dannye o deiatel'nosti soznaniia* [Describing semantics of particles. Linguistic data on mind activity]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2011. 336 p. (In Russian)
- Weydt H. *Partikeln und Interaktion*. Tübingen, Niemeyer, 1983. 317 p.

Крылова Эльвира Борисовна

доктор филологических наук, доцент кафедры
германской и кельтской филологии, филологический факультет,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1
Email: elvira_krylova@yahoo.dk

Elvira Krylova

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Germanic and Celtic Philology,
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University,
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
Email: elvira_krylova@yahoo.dk

Статья поступила в редакцию 10.11.2017, принята к публикации 05.03.2018